

тарского национального меньшинства, проживающего в Добрудже. Автор статьи участвовал в работе по его созданию в качестве представителя Бухарестского института языкознания. Новый алфавит построен по строго фонологическому принципу на базе современной румынской графики.

Вся книга в целом свидетельствует, таким образом, о большой широте научных интересов румынских лингвистов, об их глубоком внимании к изучению румынского национального языка. Сборник представит несомненный интерес для советских языковедов, в особенности для романистов.

А. А. Зализняк

L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältniss der Skythen und Sarmaten im Lichte der Namenforschung («Monografie orientálného ústavu [Českoslov. Akad. věd]», t. 16).— Praha, 1955. 468 стр., 1 карта.

Основным источником по истории туземных языков Северного Причерноморья являются, как известно, имена собственные, а также этнические и топонимические названия, сохранившиеся в греческих надписях и у античных авторов. Кроме того, значительный интерес представляют скифские глоссы.

Монография проф. Л. Згусты содержит почти весь ономастологический материал¹, относящийся к рассматриваемому вопросу, а также подробное исследование иранских имен. Отметим, что в работе Л. Згусты использованы в основном причерноморские надписи, опубликованные только до 1914 г. Имеются пробелы и по линии научной литературы вопроса. Так, например, основополагающие исследования акад. В. Ф. Миллера известны проф. Л. Згусте только по обобщающей сводке М. Фасмера². Тем не менее труд проф. Л. Згусты является наиболее полным собранием причерноморских имен, поскольку, в отличие от работ В. Ф. Миллера, М. Фасмера, В. И. Абаева и Я. Гарматта, в нем собраны не только ираноязычные имена Северного Причерноморья, но также имена фракийские, малоазийские, греческие, римские и др.

Труд проф. Л. Згусты состоит из предисловия, в котором рассмотрены теоретические вопросы ономастологии (стр. 5—12), введения, содержащего этнографический обзор Скифии и Боспора (стр. 13—58), и трех глав: «Иранские имена, кроме персидских» (стр. 59—271), «Другие негреческие имена» (стр. 272—353), «Греческие имена» (стр. 354—422). Для языковеда наибольший интерес представляют, пожалуй, первые две главы, несмотря на то, что подробный этимологический анализ автор дает только для имен иранского происхождения. В дальнейшем при разборе работы проф. Л. Згусты нами будут рассмотрены следующие вопросы: 1) собственные имена как лингвистический источник; 2) иранские имена Причерноморья; 3) фракийские и киммерийские имена Причерноморья; 4) имена неизвестного происхождения.

1

Известно, что этимологическое исследование имен собственных труднее исследования других слов (нарицательных), так как значение имен собственных нам заранее неизвестно³. В связи с этим при использовании в лингвистических целях собственных имен нельзя учитывать звуковые соответствия, базирующиеся на единичных этимологиях (ср. §§ 372, 379, 388, 394, 402 рецензируемой работы). Антропонимический материал, как нам кажется, может быть принят в качестве более или менее надежного источника по истории языка и народа лишь в том случае, если выводы, добытые с его помощью, подтверждаются данными из других источников (топонимия, исторические свидетельства, этнографические наблюдения и тому подобные реалии)⁴. Так,

¹ Эпиграфическая и историческая стороны работы Л. Згусты нами более подробно рассмотрены в статье «Ономастология античного Причерноморья» (ВДИ, 1956, № 3, стр. 68 и сл.).

² M. V a s m e r, Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I — Die Iranier in Südrufland, Leipzig, 1923.

³ A. M e й e, Сравнительный метод в историческом языкознании, перевод с франц., М., 1954, стр. 40.

⁴ В. И. А б а е в, Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949, стр. 201—202; е г о ж е, О принципах этимологического словаря, ВЯ, 1952, № 5, стр. 64—67. Ср. также А. О. Б і л е ц ь к и й, Проблема мови скіфів, «Мовознавство», т. XI, Київ, 1953, стр. 76—77.

например, ираноязычный характер скифо-сарматских имен доказан успешной этимологией этих имен из данных иранского языкознания¹ и подтверждается также свидетельствами античных авторов о родстве скифо-сарматского с медийским и парфянским языками (стр. 21)².

2

По мнению автора, скифо-иранские имена Северного Причерноморья отражают два диалекта: 1) более «архаичный» (для него характерно наличие дифтонгов $\alpha\iota$, $\alpha\omicron$, сохранение смычных π , τ и группы $\alpha\rho\iota$, $\phi\rho\iota$) и 2) более «поздний», где дифтонги монофтонгизованы ($\alpha\iota > \eta$; $\alpha\omicron > \omega$, $\omicron$, $\omicron\upsilon$), смычным π , τ соответствуют спиранты ϕ , θ , а группы $\alpha\rho\iota$ и $\phi\rho\iota$ развились в ρ и $(\phi)\lambda\iota$ (§§ 513—514, стр. 246—247).

Поскольку более «архаичный» диалект³ представлен именами по всем городам Причерноморья, а «младший» диалект в подавляющем большинстве случаев засвидетельствован лишь для района Пантикапея—Тамани—Танаиса, проф. Л. Згуста весьма остроумно предполагает, что последняя территория представляет собою лингвистическую зону «инноваций», которая образовалась благодаря появлению посетителей диалекта среднеиранского типа (возможно, сарматов). Если это так, то можно заключить, что «старший» иранский диалект Причерноморья, еще весьма близкий к авестийскому, принадлежал скифам (§ 523). Гипотезу проф. Л. Згусты (ср. стр. 51, § 31) следует предпочесть диалектологическому опыту Я. Гарматта⁴.

В соответствии с данными истории⁵ проф. Л. Згуста рассматривает скифский и сарматский как диалекты одного и того же языка северо-восточной группы иранских наречий; Я. Гарматта же постулирует для Северного Причерноморья группу иранских диалектов, независимых друг от друга⁶. Кроме того, предположение Л. Згусты представляет собою значительный шаг вперед по сравнению с методическим приемом М. Фасмера, который рассматривает как скифские все имена и названия, встречаемые у Геродота, а позднейшие материалы считает скифо-сарматскими (или, вернее, либо скифскими, либо сарматскими), не видя возможности отделить первые от вторых.

Переходим к более частным вопросам.

Весьма правильным методически следует признать деление этимологий на более или менее достоверные. Нам представляется, однако, что Л. Згуста не всегда последовательно проводит это разграничение. Во-первых, все «половинчатые» этимологии, при которых объяснен только один из компонентов имени, следует признать менее достоверными⁷ (ср. § 103 — $\Delta\sigma\upsilon\mu\omicron\lambda\alpha\rho\theta\omicron\varsigma$, § 124 — Καμωρσαζης , § 163 — Ομρασμαχος и др.). С другой стороны, вряд ли можно всегда ставить под сомнение достоверность предложенной иранской этимологии лишь на том основании, что осетинские параллели, которыми пользовались В. Ф. Миллер и другие предшественники автора, не приводятся в современных осетинских словарях (ср., например, § 95 — Γοδοσάουος , § 97 — Γωδιγασος , § 98 Γωσάκος , § 333 — Σωράκος). Так, хотя в осетинских словарях нет слова *gaeed* (§§ 95, 97), есть все же слово *xъуg* из **gaika*⁸; имеется *xъусаeg* «слышающий», «слушатель» вместо ожидаемого автором *игосаег*⁹. Встречается *сураег* «преследователь» вместо *сораег*¹⁰. Несомненно, что этимологический словарь осетинского языка, подготовленный к печати проф. В. И. Абаевым, значительно облегчит дальнейшую работу над скифо-сарматскими этимологиями.

Имеются также имена, относительно которых автор допускает разные возмож-

¹ Особую роль играет здесь осетинский язык как язык-потомок скифо-сарматской группы северо-восточных иранских наречий.

² М. V a s m e r, указ. соч.; е г о ж е, Skythen, в кн.: «Reallexikon der Vorgeschichte», hrsg. von M. Ebert, Bd. XII, 1928, стр. 237; е г о ж е, Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung, Berlin, 1941, стр. 12—13.

³ В § 519 указаны звуковые явления, отличающие этот диалект от языка Авесты.

⁴ J. H a r m a t t a, Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia, «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», t. I, Budapest, 1950—1951, стр. 261—312.

⁵ Имеется в виду положение о смене в Северном Причерноморье ираноязычных скифов родственными им сарматами (ср. § 537).

⁶ Ср. критические замечания В. И. А б а е в а в, ИАН ОЛЯ, 1953, вып. 5, стр. 487—490 и Л. З г у с т ы (рецензируемый труд, § 538).

⁷ На это указал А. А. Белецкий (указ. соч., стр. 76).

⁸ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, стр. 57 и 166.

⁹ Там же, стр. 166; е г о ж е, Русско-осетинский словарь, М., 1950, стр. 451.

¹⁰ В. И. Абаев, Русско-осетинский словарь, стр. 374.

ности этимологического объяснения из иранского¹, и такие, для которых проф. Л. Згуста приводит иранские этимологии наряду с греческими (ср. § 58 — Αρίτη, § 131 — Κοσσας и др.) и фракийскими (ср. § 42 — Αβροζος, § 127 — Καρσας). Нам кажется, что в спорных случаях, допускающих этимологизацию из разных языков, мы должны принимать во внимание общий уровень сравнительного изучения грамматики и лексикологии этих языков. Так, для Северного Причерноморья мы вынуждены отдавать предпочтение греческим этимологиям перед иранскими, иранским же перед фракийскими, а последним перед малоазийскими² и, особенно, кавказскими. Чтобы решить вопрос об этимологии, идущей вразрез с предложенной классификацией, нужны в каждом отдельном случае веские дополнительные данные.

В связи со спорностью некоторых иранских этимологий проф. Л. Згусты в какой-то степени сомнительными оказываются и отдельные моменты в картине звукового развития скифо-сарматского языка. Так, автор приводит имя Σηγοδης (§ 158) как пример монофтонгизации авест. *ao* (>*o*) во втором компоненте: = *γoδiς* < *gaoidya* «заботливо оберегая скот». Возможно, однако, этимологизовать = *γoδiς* из скиф. **guta* (осет. *xyudyd*) «мысль»³, так что все имя Εηγοδης (из *āšay* = + *γoδiς*) имело бы значение «обладающий блистательными способностями»⁴.

На основании установленных им звуковых соответствий проф. Л. Згуста считает возможным исключить из области достоверных ираноязычных этимологий такие этнонимы, как 'Αλαῦνοι: 'Αλανοί, Σαυρομάται: Σαρμάται (несоответствие *au* > *a*); ρεοξίναλοι: ρωξολανοί (несоответствие *eu* > *au* > *o*) и Σαῖοι (несоответствие *āš* > *s*), что вряд ли правильно. Как будет показано ниже, все эти языковые особенности, не отмеченные в области древнеиранской фонетики, все-таки объяснимы, если допустить древний фракоязычный (киммерийский) субстрат в иранских диалектах Северного Причерноморья. С другой стороны, следует указать, что среди «менее достоверных» этимологий Л. Згусты имеются такие, иранский характер которых бесспорен, например § 267—268 — Αβρωζος, § 314 — Οδιαρδος⁵. Отметим также, что и среди «необъяснимых» имен, собранных проф. Л. Згустой во 2-й главе рецензируемого труда, мы встречаем такие, которые можно удовлетворительно истолковать из известных в Северном Причерноморье языков, в том числе из иранского (например, § 660 — Κεφθος, § 676 — Μουγισαγος, § 685 — Νυχκος, а также §§ 631, 689, 693, 715, 720, 729, 735)⁶. Важно подчеркнуть вместе с тем, что после исключения из общего количества иранских этимологий таких, которые нам кажутся спорными, в первой главе все же остается большое количество бесспорных иранских этимологий, подтверждающих выводы автора. Кроме того, следует иметь в виду, что в своей работе Л. Згуста не только собрал и сопоставил этимологические опыты своих предшественников⁷, но и со своей стороны предложил значительное количество новых этимологических объяснений (например, § 111 — Θερθαγος, § 112 — Θυλογανος, § 147 — Μεγίς, § 164 — Οξαρδωζις, а также §§ 174, 193, 206, 208, 216, 232, 251).

3

Во 2-й главе автор касается персидских, малоазийских, семитских и «необъяснимых» имен. Все категории имен, за исключением последней, проф. Л. Згуста считает заимствованиями. Однако для фракоязычных имен при более подробном разборе вырисовывается несколько другая картина. Если собственно фракийские имена в большинстве случаев ничем не отличаются по своей лингвистической структуре от аналогичных антропонимов Балканской Фракии, то некоторые имена, условно обозначаемые автором как киммерийские (§§ 579—581), обнаруживают характерную огласовку гласных звуков. Кроме того, в «необъяснимых», греческих и иранских антропонимах Боспора обнаруживаются закономерные фонетические особенности, характерные для

¹ Ср. § 100 — Δαναρασμακος, § 101 — Δανδαξαρθος, § 119 — Ιρβις. Впрочем, эти случаи надо было бы отнести к «половинчатым» этимологиям. Иначе трактует эти случаи В. И. Абаев («Осетинский язык и фольклор», т. I, стр. 161—163).

² Ср., например, § 941^a — Γοργόσας, § 1148 — Στόρακος.

³ Корень этот широко представлен в осетинском. Ср. В. И. Абаев, Русско-осетинский словарь, стр. 239.

⁴ Ср. В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, стр. 167. Сюда же относятся, вероятно, имя Готос (§ 631), которое автор считает «необъяснимым», а также антропонимы Годя и Σαγοδας, отсутствующие в перечне проф. Л. Згусты.

⁵ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, стр. 156.

⁶ О возможности этимологизации некоторых «необъяснимых» причерноморских имен из фракийского см. ниже.

⁷ В том числе ряд этимологий Я. Гарматта (§ 85 — Βιστης, § 109 — Ηλμανος (?), § 160 — Ξοβας, § 172 — Ουργβαζος, а также §§ 180, 198, 234).

фракийских имен Балканского полуострова¹ и Западного Причерноморья (колебания гласных *a-e* и *o-a*, переход дифтонга *au > a*, смешение звонких и глухих смычных, спонтанное удвоение согласных). Отдельные попытки автора истолковать эти явления из фактов иранских и греческого языков носят, как нам кажется, непоследибельный характер. Так, например, проф. Л. Згуста склонен объяснять удвоение согласных экспрессивно-ласкательной функцией слова (ср. § 130 — *Κατταα* по сравнению с *Κατομας* и *Κατιωυς*, а в § 904 — *Ἀντισσῆαις* двойное *σσ* обусловливается, по мнению автора, требованиями метра). Вряд ли удачно объяснение автора в отношении соответствий авест. *a* — скиф. *o* (§ 347), *ā* — *ω* (§ 350) не только по соседству с *r, s, v, m* или в качестве соединительного гласного в сложном слове, но и в других положениях. Л. Згуста вынужден предположить закрытое произношение скиф. *a*, чем объясняется, по его мнению, встречаемое иногда графическое изображение *a* через *o*. Однако ввиду того, что указанные явления характерны для фрако-балканских языков, было бы проще усматривать в них воздействие доиранского субстрата².

Как известно, некоторые топонимы из западной части Северного Причерноморья (*Πόρτα*, *Βορροθένης*, *Τόρας*) и этнонимы (*Τυρεῖται*, *Μυρεῖται*, *Δίζυροι*) не оставляют сомнения в том, что фрако-язычное население здесь древнее иранского³.

Нам представляется, что в связи с отсутствием в Крыму топонимов балкано-фракийского типа⁴ необходимо в предполагаемом фрако-язычном субстрате видеть киммерийский язык.

4

В третьей главе весьма важным является раздел, посвященный «именам, которые не поддаются объяснению» (§§ 606—736). Естественно возникает вопрос о перспективах и методах лингвистического разбора этого материала. В связи со сравнительно небольшим количеством имен (примерно 100, если не считать имена, объяснимые из данных иранского и фракийского языкознания — см. выше, стр. 155) применение комбинаторного метода не может здесь дать положительных результатов. Остается путь лингвистического сопоставления с именами стран, граничивших с античным Причерноморьем, и в первую очередь сравнение с именами Кавказа и Малой Азии.

Относительно сближений северочерноморских имен с адыго-абхазскими следует указать, что, несмотря на отдельные попытки, предпринятые еще в конце прошлого века Л. Г. Лопатинским, никакого заметного продвижения здесь добиться не удалось⁵. Нам представляется, что единичные сближения⁶, как бы они ни были ценны, не могут играть решающей роли и обеспечить надежную базу для вскрытия древнечеркесского (керкетского) вклада в антропонику Боспора. Итак, пока не будет разработана сравнительно-историческая грамматика абхазско-черкесских языков и составлен этимологический словарь, выделить в удовлетворительной степени имена древних керкетов и меотов вряд ли удастся. Что же касается сопоставления северочерноморских имен с малоазийскими, то, насколько нам известно, систематические попытки в этом направлении пока не предпринимались⁷. Однако установление географического ареала распространения имени является лишь предварительным шагом, за которым должно последовать этимологическое истолкование. Работа в этом направлении облегчается наличием сводов имен малоазийских и переднеазийских народов (дикийцев, хурритов, отчасти хеттов) и успехами в изучении хеттского и хурритского языков в последние десятилетия. Надо полагать, что подробный анализ причерноморско-малоазийских ономотологических параллелей позволит в недалеком будущем решить вопрос о том, случайны ли перед нами созвучия или мы имеем здесь отражение каких-то древних

¹ Подробнее об этом см. в нашей статье «Фонетические явления фракийского и иллирийского языков» (ВЯ, 1956, № 4, стр. 72 и сл.).

² Ср. также наши тезисы «К вопросу о фракийском языке» («Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 111, 1955, стр. 142—143).

³ См. нашу рецензию на книгу акад. Д. Дечева «Характеристика на тракийския език» (ВЯ, 1955, № 2, стр. 140).

⁴ Наличие на Боспоре киммерийских топонимов засвидетельствовано Геродотом (IV, 12). См. М. V a s m e r, Die alten Bevölkerungverhältnisse Russlands..., стр. 11—12. Попытка Л. А. Ельницкого (ВДИ, 1949, № 3, стр. 23) отрицать достоверность данных Геродота не может быть принята во внимание.

⁵ Ср., например, Л. И. Лавров, Адыги в раннем Средневековье, «Сборник статей по истории Кабарды», вып. 4, Нальчик, 1955, стр. 37 и др.

⁶ Топоним *Πσοα* (Диодор XXII, 25), например, весьма отчетливо напоминает кабард. *псыу* «берег», «побережье» (восходит к *псы* «вода»). Примечательно, что в рассказе Диодора идет речь о так называемом Псое и прилегающей территории.

⁷ Отдельные параллели рассмотрены у М. Фасмера (см., например, «Die Iranier in Südrussland», стр. 34: *Ατταχοας*, *Αταχονας* — малоазийск. *Attakuwa*) и у Згусты в рецензируемой работе.

культурных или даже этнолингвистических связей. Хотя проф. Л. Згуста почти не касается этой проблемы¹, все же из некоторых его замечаний по поводу малоазийских параллелей к толкуемым им иранским именам Причерноморья можно заключить, что наш автор склонен видеть здесь независимые параллели (ср. §§ 203 — Σασας, § 228 — Τιβης²). Хотелось выразить надежду, что подготавливаемая проф. Л. Згустой книга по ономотологии Малой Азии (стр. 11) окажет значительную помощь в решении затронутой нами проблемы боспорско-малоазийских омонимий.

Подведем итоги разбора книги проф. Л. Згусты.

Постановка вопроса о наличии в ономотологическом материале Северного Причерноморья следов киммерийского и, возможно, других, пока не определенных языков, начинает принимать, как нам кажется, реальные формы благодаря точному выделению иранских³ и фракийских имен (соответственно языков). Это является неоспоримой заслугой нескольких поколений ученых-иранистов, в том числе наших современников М. Фасмера, проф. В. И. Абаева, Я. Гарматта и проф. Л. Згусты, который в своей книге дал интересную сводку иранских, фракийских и других антропонимов Причерноморья.

Б. И. Надаль

J. Hubschmid. Schläuche und Fässer. Wort- und sachgeschichtliche Untersuchungen mit besonderer Berücksichtigung des romanischen Sprachgutes in und außerhalb der Romania sowie der türkisch-europäischen und türkisch-kaukasisch-persischen Lehnbeziehungen («Romanica — Helvetica», vol. 54). — Bern, 1955. 171 стр.

Рецензируемая книга швейцарского ученого Иоганнеса Губшмида представляет собой оригинальное исследование, посвященное проблеме так называемых «легко подвижных слововещей» (Wörter für Sachen, die leicht wandern). Приводимый И. Губшмидом этимологический материал по существу неоднороден. С одной стороны, мы находим здесь ряд «типов», к которым сводится огромное количество разноязычных и разнодиалектных обозначений бочек и бурдюков, а с другой — ряд обозначений, объединяемых лишь в небольшие группы. В первом случае в центре внимания стоят связи друг с другом больших лексических пластов (в пределах типа), материально обших для многих языков от Испании до Дальнего Востока. При этом автор делает выводы относительно контакта (отчасти родства), а также хода распространения фактов материальной культуры и языка. Во втором случае внимание сосредоточивается на связях между собой двух определенных слов, исследование ориентировано на тот или иной язык или группу языков, выводы (помимо собственно этимологических) ограничиваются чаще всего семантическими переходами.

В общем книга охватывает — в том или ином виде — большинство языков Африки и Евразии, при этом особое внимание автор обращает на западноевропейские языки. Собственно этнографическая часть имеет вспомогательное или иллюстративно-описательное значение.

Основная ценность работы И. Губшмида состоит в установлении и уточнении нескольких сот различных этимологий, из которых большинство мне кажется вполне приемлемым. Автору удалось получить первую доиндоевропейско (романо-германо-балтийско)-уральскую лексическую «изоглоссу» (стр. 160) и установить ряд весьма интересных лексико-культурных связей, пронизывающих западно- и отчасти восточноиндоевропейские (в том числе славянские) и тюркские языки, а также уральские, палеоазиатские, семитские и кавказские.

Весьма важным является то обстоятельство, что И. Губшмид привлекает для сравнения большое количество языков. Это является, безусловно, основным методическим требованием для всего направления «легко подвижных слововещей». Однако этим особенностям методики И. Губшмида далеко не исчерпаны. Сохраняя в области западно-европейских языков традиции романской школы Юда и Яберга, И. Губшмид широко использует методику лингвистической географии и привлекает обширный диалектный материал. Более того, стремясь к максимальной тщательности исследования, он широко привлекает памятники и критически проверяет по первоисточникам показания словарей и выводы предшествующих исследователей-этимологов.

Тема, избранная Губшмидом, имеет огромное значение с точки зрения исследования «подвижных слововещей». Следует, однако, отметить, что он пришел к данной теме

¹ В разделе «Малоазийские имена» приводится всего лишь несколько имен бесспорно анатолийского происхождения, например: § 745— Δαλπασις, § 746— θυς и § 751— Μανδασης.

² Малоазийские параллели к именам, образованным от детских слов, типа Αττα; Ατπα, см. в § 594.

³ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, стр. 147—148.